

УДК 130.2; 330.852; 330.828.4; 159.955.2

Е. И. Наумова, Е. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «КАПИТАЛИЗМ»

Представлена историко-философская реконструкция становления понятия «капитализм» в XIX – начале XX в. В тексте охарактеризованы основные этапы концептуализации понятия, начиная от его первых упоминаний в политической литературе Германии и Франции и заканчивая вхождением понятия в научный оборот и обиходную практику в качестве устойчивого термина. Особое внимание уделено выявлению содержательных аспектов термина в контексте идейных и теоретических предпочтений эпохи. Немаловажно и то, что по своим дискурсивным и смысловым характеристикам «капитализм» как понятие и концепт пребывает в русле христианской культурной парадигмы.

Философия капитализма, концептуальная история термина «капитализм», капиталистическая рациональность, протестантская иррациональность, либерализм, социализм

Термин «капитализм» в последние сто лет европейской, да и мировой истории едва ли не самый, как сегодня принято выражаться, рейтинговый и часто используемый в различных политологических, философских, социологических и других гуманитарно-ориентированных дискурсах в не меньшей степени, чем в обиходе. Кажущаяся «очевидность» этого термина на самом деле не столь уж очевидна. И не только потому, что любое слово, имеющее широкое хождение, циркулирующее по различным текстам, вольно или невольно насыщается всевозможными, порой далекими друг от друга по семантике, смыслами, но и прежде всего потому, что в нашем случае по отношению к термину имеется достаточный объем теоретических и концептуальных «предрассудков», мешающий в полной мере адекватно воспроизвести как «первичный смысл», так и те «идеалектные» (авторские) его варианты, которые в итоге и сформировали «семантическое ядро». Причина достаточно очевидна: чрезвычайная идеологическая ангажированность термина, который, войдя в обиход, тут же стал использоваться в качестве политического (соответственно и политологического) маркера, посредством которого очерчивалась линия горизонта, отделявшая союзников от противников. При этом собственно «концепт» оставался за пределами специального интереса, внимания и исторической реконструкции.

Среди таких наиболее часто встречающихся «предрассудков» – уверенность, что именно в работах классиков марксизма-ленинизма (Маркса, Энгельса и Ленина в последней версии советской идеологической доктрины) были определены концептуальные и дискурсивно-операционные контуры данного понятия. Якобы именно им, в первую очередь К. Марксу, принадлежит исчерпывающее и научно-теоретически корректное обозначение содержания термина и, соответственно, исчисление покрываемого им регистра реальности с исчерпывающим набором его характеристик, так же как и введение его (термина) в оборот. На самом деле это не соответствует действительности. Если держаться в рамках истории понятий (Begriffsgeschichte) как научного метода и не довольствоваться лишь расхожим, хоть и утвердившимся мнением научной доксы, то следует признать следующее. Маркс (также как и Энгельс) не использовал понятие «капитализм» в своих работах и тем

более в своих философско-теоретических размышлениях. Классик употребляет понятие капитализм лишь дважды в своем труде «Капитал» мимоходом, в ряду многих других достаточно нестрогих в теоретическом и тем более концептуальном смыслах слов. Слово «капитализм» не получает сколько бы то ни было значимой разверстки и уж тем более не фиксируется в качестве значимого концептуального пункта доктрины, включающей социологическую типологию, где среди прочих «капиталистическая» занимает предпоследнюю роль в череде исторических формаций. По сути дела Маркс никогда не использовал понятие «капитализм», предпочитая использовать иные словосочетания, в частности «капиталистический способ производства», которое может быть с некоторыми оговорками признано синонимическим. К. Маркс и Ф. Энгельс в своей классической работе «Немецкая идеология» (1845–1846) вкладывали в понятия «мировой рынок» и «мировая история» удивительно близкий к понятию «капитализм» смысл. В этом отношении можно утверждать, что некое автономное смысловое пространство было очерчено еще до того, как получило однозначную дефиниционную маркировку. При этом следует учитывать, что выражение «капиталистическое производство» встречается уже в 1815 г. у Зодена, последователя теории Смита, который основывался на современных ему представлениях о капитале и обозначал этим словосочетанием такой род производства, которое дает избыток, запас, накопление. Т. е. речь идет скорее о таком производстве, при котором капитал более используется, нежели создается. И лишь во второй половине XIX в. в российской социал-демократической публицистике, в текстах социалистически ориентированных мыслителей появляется более однозначное определение «капиталистического способа производства», где оно безоговорочно приравнивается к понятию «капитализм».

Истоки данного «предрассудка» очевидны: так как именно К. Маркс выполняет роль главного идеолога и теоретика, то, несомненно, именно им и должен быть очерчен основополагающий терминологический аппарат, посредством которого система и фиксировалась. Разумеется, речи даже быть не может о том, что благодаря работам или выступлениям классика «капитализм» обрел популярность среди теоретиков или практиков социальных трансформаций.

Не менее частым «предрассудком» является и приписывание термину (или просто слову) «капитализм» древней истории, распространенности его в течение длительного времени. Тем самым происходит, по сути дела, легитимация категории или, выражаясь словами Р. Барта («Мифологии»), перевод Истории в Природу и тем самым наделение его (термина) неотделимым от концептуальной составляющей «естественным» характером. Это также не соответствует действительности. Термин «капитализм» получил некоторое распространение в Германии благодаря французской литературе об экономических реформах революционного времени. Впервые же он встречается в словаре Ришара в 1842 г. Однако здесь он выступал простой и во многом формально-художественной (или просто повседневно-бытовой) словоформой и не был наделен сколько бы то ни было строгим содержанием. Далее понятие встречается у Луи Блана в 1850 г.: «*я называю капитализмом присвоение капитала одними при исключении других*» [1, с. 161]. В Великобритании это понятие фиксируется не позднее 1854 г., причем в художественном произведении, не лишнем, впрочем, политически-идеологического «привкуса», в романе У. М. Теккерея «Ньюкомы» (The Newcomes). В Германии это произошло лишь в 1869 г., благодаря трудам Родбертуса. Судя по всему, одной из предпосылок появления понятия «капитализм» явился тот факт, что в революционное время возникла настойчивая необходимость в создании антонима для понятия «социализм». Это было чисто логически-формальное требование —

маркировать другой полюс бинарной оппозиции. При этом «капитализм» нагружался эмоционально негативными смыслами и часто использовался в текстах и речах в качестве риторической фигуры во время политических дебатов социалистов, консерваторов и либералов. Это дает основание утверждать, что по сути дела понятие «капитализм» было явлено и публично оглашено именно в политическом дискурсе, неотделимом от текущей «политической борьбы» (за права или переустройство мира).

Таким образом, справедливо сказать, что первые полвека своей очень недолгой истории «капитализм» не имел никакого отношения ни к политэкономическим изысканиям, ни к теоретическим постулатам социологического толка, ни, тем более, к культурно-исторической типологии, но лишь к практически ориентированному фразеологическому набору, используемому в конфронтационных обстоятельствах текущего дня. При этом необходимо отметить, что вплоть до начала XX в. даже слово «капитализм» используется достаточно редко, тогда как понятие «либерализм» используется довольно часто, в большей степени для описания нерегулируемой экономики. Однако на всем протяжении XX в. понятия «капитализм» и «социализм/коммунизм» уже фигурируют в качестве неразделяемой бинарии, где один полюс подразумевает и определяет другой и существовать без оппонента не может в принципе.

Начиная с 1870 г., в истории становления понятия «капитализм» выделяется новый, собственно говоря, концептуальный этап, связанный с внедрением, ассимиляцией и абсорбцией понятия в научно-гуманитарный дискурс. Одним из первых экономистов, способствовавших распространению понятия «капитализм» в науке, считается Альберт Шеффле с его трудом «Капитализм и социализм» (1870), в котором хоть и обозначена исходная (первичная) бинария, но развернутого и убедительного обоснования она еще не получила. Подлинно терминологический прорыв совершил Вернер Зомбарт, опубликовавший свою работу «Современный капитализм» (1902), где понятие «капитализм» собственно и было легитимизовано и получило свою первую более или менее научную интерпретацию. Наряду с Зомбартом Макс Вебер в своей классической и до сего дня востребованной работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905) содействовал укоренению и широкому хождению понятия «капитализм» в среде гуманитариев различного толка. При этом, невзирая на интенсивность использования категории как в политической, так и в исследовательской практиках, консенсуса о возможностях и горизонтах его, понятия, дискурсивной эксплуатации не возникло. При этом не исчезла и заключенная в нем «генетически» негативная эмоциональная коннотация, обусловленная как происхождением, так и первичной дислокацией в культуре – политико-экономический ракурс.

Как нам представляется, ключевым моментом при концептуальном рассмотрении понятия «капитализм» является точка соприкосновения, а также соотнесение «политической» (социальной) истории и «научной» (дискурсивной). Как раз в результате неизменного наложения этих двух смысловых и операционных регистров («капитализм» никогда не был и не является до сего дня *чисто научным* или *чисто политическим* индексом) и была предопределена многозначность и неопределенность понятия «капитализм», не изжитая сих пор. Рожденное в ходе политических дебатов как антоним «социализма/коммунизма» и получившее впоследствии широкое распространение в гуманитарной науке в статусе концепта понятие «капитализм» именно поэтому не может иметь «единственно верное», четкое и ясное, тем паче не вызывающее возражения коллег универсальное определение. Его (капитализм) приходится всякий раз переопределять, при каждом разговоре «договариваться о терминах», что означает: понятие может быть интерпретировано ситуационно и окказионально, а потому может достаточно пла-

стично быть редуцировано до любой субстратной группы явлений. И так было с самого начала. Так, в своем известном труде «Капитализм» (1918) Рихард Пассов (Richard Passow) [2] выделяет уже 111 различных значений и словосочетаний с понятием «капитализм» и связывает такое широкое разнообразие в толковании понятия с высокой степенью его неопределенности и отсутствием консенсуса в возможности закрепления стабильного и константного содержания, неотделимого от вербального выражения и органично ему соответствующего. Так же Пассов отмечает, что понятием «капитализм» гораздо чаще пользовались юристы и историки, а не экономисты-теоретики. В частности, Пассов отдает первенство в распространении понятия Зомбарту и Веберу и в целом связывает его популяризацию с трудами представителей именно немецкой исторической школы, которые одними из первых сделали его предметом своего специального рассмотрения. Им же, упомянутым мыслителям, принадлежит первая попытка распутать смысловой клубок денотаций-коннотаций-ассоциаций, который опутал «капитализм». Поэтому справедливо утверждать, что именно в рамках немецкой исторической школы были определены ракурсы рассмотрения, а также модели концептуальной легитимации понятия «капитализм» в пределах всего позитивного гуманитарного знания, которые в последующем сделали практически невозможным при анализе дискурсивной эволюции категории ограничиться только научными горизонтами. Ибо уже сама постановка вопроса о концептуальном генезисе тут же законно актуализирует и вопрос о возникновении капитализма в качестве социальной практики или культурной феноменологии. А это в свою очередь порождает и вопрос о временных границах *новой эпохи*, которую обозначают как «капиталистическую». Причем – и это немаловажно – неугасающая и неисповедимая политическая напряженность, равно как и критический потенциал этих проблем-вопросов, сопряжена с неизменными ожиданиями «завершения цикла» или с прогнозами заката капитализма. И здесь мы уже сталкиваемся с еще одним «затруднением»: изначально сам дискурсивный термин и его дескриптивно-нарративное вербальное закрепление происходят из совершенно разных исторических и культурных предпосылок, которые совмещаются друг с другом, друг на друга накладываются, когда речь заходит об аналитическом исследовании предисторических или постисторических априори: «доиндустриальном» и «промышленном капитализме», о «пред-капитализме», «раннем», «высокоразвитом» и «позднем» капитализме, современном подстигустриальном капитализме и пр. Типичным является то, что практически (некорректно и бестактно) совмещаются две различные бинарные группировки: понятия «доиндустриальный» и «докапиталистический», «доиндустриальный» и «раннекапиталистический» и т. д.

Подобная «небрежность» или вполне оправданный, почти что бытовой, плюрализм мнений по отношению к содержанию понятия «капитализм» как раз свидетельствует о том, что выделить какой-то единый терминологический комплекс или единую, исчисляемую группу авторов, которых можно считать безусловно авторитетными законодателями, заложившими основы «понимания и толкования», и, следовательно, тем самым артикулировавшими связную, единую и последовательную теорию становления, развития и бытования капитализма как феномена (в экономике, политике, культуре, практике, искусстве, публицистике) невозможно.

Разграничение между термином «капиталистический способ производства» и понятием «капитализм» впоследствии привело к формированию по крайней мере к двум тенденциям (причем они не закреплены по месту локации самого предмета, т. е. одна – в практике, другая – в дискурсе) в осмыслении капитализма как феномена экономики и культуры, которые условно можно обозначить как «марксистский» дискурс о капитализме, представляющий критическое осмысление данного явления, и «либеральный» дискурс о капита-

лизме как научная и моральная легитимация последнего. В этом отношении «марксистский дискурс» о капитализме (весьма распространенный в советском марксистско-ленинистском комплексе различных программ) оперирует вслед за Марксом понятием «капиталистический способ производства», которое репродуцируется посредством таких понятий как «прибавочная стоимость», «самовозрастающая функция капитала», «антагонизм классов», «буржуазия», «пролетариат». В то время как «либеральный» дискурс, имевший широкое хождение за пределами социалистического лагеря, использует понятие «капитализм», наполненное тем смыслом, которое в него вложили Шеффле и представители немецкой исторической школы, и сопряжен с другой риторической вербальной серией, где терминологическими доминантами являются «государство», «кооперация», «рациональность», «дух», «свобода».

Важно указать, что одним из ключевых терминов, безусловно имеющих не только дискурсивно-концептуальный статус, но и «онтологический», который впоследствии найдет закрепление в «либеральном» дискурсе о капитализме, является разработанное в трудах Зомбарта и Вебера понятие «дух». При этом как раз понятие «дух» в итоге и сыграло ключевую роль при вторжении понятия «капитализм» в сферу научного дискурса, где оно и было окончательно избавлено от негативных коннотаций, и получило если и не полностью позитивную, то, во всяком случае, нейтральную модальность. В теории Зомбарта понятие «дух» определяется посредством процедур калькуляции и операций бухгалтерского учета, в то время как в концепции Вебера оно связывается с привнесением субъективного элемента. В связи с вопросом о «духе капитализма» в поле зрения с неизбежностью попадает феномен-практика упорядоченного/стандартизированного образа жизни или рационализации повседневности. Справедливо утверждать, что именно благодаря Зомбарту и Веберу «капиталистическая рациональность» становится доминирующей, если не тотальной. Она не просто связала «определенный тип рациональности» с неким «историческим этапом», но и стала универсальным горизонтом, в котором в конечном счете любая человеческая рациональность, равно как человеческое поведение может – должно быть – редуцировано. Тем самым и сам капитализм – как бы мы его концептуально ни разворачивали – обретает статус Природы, выходя за пределы юрисдикции Истории, и становится точкой отсчета при любых операциях. Естественнo, что докапиталистические или некапиталистические модели рациональности выдавливаются в маргинальные и неблагонадежные зоны.

Теперь более подробно остановимся на концепциях А. Шеффле, В. Зомбарта и М. Вебера, в работах которых были определены смысловые и операционные горизонты термина «капитализм», и постараемся реконструировать всю совокупность условий и предусловий, а также варианты и векторы возможного употребления, в контексте которых «терминологический блок» в принципе мог быть артикулирован, а значит, и в последующем мог использоваться. Многозначность, и, следовательно, допустимость редукции к данному термину самых разнообразных социальных и дискурсивных практик, порой весьма существенно отличающихся друг от друга, а то и прямо противоречащих друг другу, позволяет утверждать следующее. Как в своей первоначальной интерпретации (т. е. в момент и обстоятельства первого использования), так и в последующем «капитализм» по сути дела является «пустым» и «исключительно дискурсивным». Другими словами, «капитализм» не предусматривает никакой строгой «феноменологической фиксации» или соотнесения с фактами реальности. Он «работает» в качестве дискурсивного оператора. Поэтому-то и стало возможным его столь стремительное распространение в различных текстовых практиках, а также достаточно свободная миграция из одного смыслового поля в

другое. В этом отношении он функционирует – и успешно функционирует! – наряду со столь же «пустыми» терминами-концептами последних двух с половиной веков, как «человек», «прогресс», «классовая борьба», «экономика» и пр. Подобного рода «теоретические образования», по сути дела освобожденные от необходимости быть закрепленными в строго определенном факте, либо «законодательстве» (или группе фактов и процедур), а значит и от в некотором роде зависимости от него, позволяют с легкостью, простым риторическим введением фигуры «в конечном счете» проводить семантически-семиотические подмены, перемены и перестановки. По сути дела «капитализм» функционирует как «мифологическая структура». Следовательно, первичный топос циркуляции – эмоционально-идеологическое сопровождение ситуаций резкой социальной конфронтации – и предопределил варианты его, термина, теоретически-концептуального толкования. Но в не меньшей же степени он и отразил магистральные векторы эволюции европейской ментальности со всем комплексом привилегированных категорий и опытов реальности.

Понятие «капитализм» в учении А. Шеффле. «Научная история» понятия капитализм связана, как уже было сказано, с процессом идеологизации «понятия», когда его содержание стало принимать универсальную и стабильную форму, наделяться определенным смыслом и окончательно входить в дискурсивный обиход. Своеобразным «мостиком» между политической и научной историей может считаться концепция капитализма, предложенная Альбером Шеффле. При этом стоит напомнить, что реконструкция истории понятия «капитализм» (как и любого другого) не может носить линейный (хронологический) характер и не предполагает очевидную, хорошо прослеживаемую через прямую каузальность, наследственность. Так, в ходе повествования станет очевидно, что предпосылки формирования «научной истории» понятия берут начало в «политической истории», в то время как марксистский дискурс, определяющий «капитализм» как антоним «социализма», развивается параллельно с либеральным дискурсом о «капитализме», получившим развитие в концепции Шеффле, возникшей в свою очередь из полемики с анархистами и радикальными социалистами. Труд Шеффле «Капитализм и социализм», вышедший в 1870 г., является едва ли не ключевым в процессе идеологизации понятия «капитализм». Появившись намного раньше работы Зомбарта, он задал всю бинарную архитектуру дискурса о «капитализме» в силу того, что именно здесь, у Шеффле, впервые был обоснован либеральный взгляд на природу развития и формирования феномена, т. е. капитализм. При этом закрепившиеся в последующем в качестве ведущих исследовательских стратегий при умозрительной рефлексии «капитализма» концептуальные константы оформились и с марксистских и с либеральных позиций одновременно. Именно в силу этого в содержание понятия «капитализм» имплицитно вмонтировано противоречие, что и определяет впоследствии бинарный характер дискурса о «капитализме», и объясняет опосредованную структуру высказывания (любого) о капитализме либо с марксистских (критических), либо с либеральных (легитимирующих) позиций: о капитализме невозможно говорить прямо, непосредственно, но лишь опосредованно, бесконечно прибегая к помощи мифологических заместителей.

Стоит отметить, что собрание лекций Шеффле «Капитализм и социализм» (1870) было переведено на русский язык через два года после выхода в свет и имело широкий резонанс в среде русских либералов и народников, поэтому трактовка капитализма в русле органицизма, предложенная Шеффле, оказала влияние в некоторой мере и на всю политическую полемику вокруг понятия «капитализм» эпохи. Однако идеи Шеффле вначале не были приняты, как это не кажется странным, ни в кругу русских либералов, ни в кругу

русских народников и марксистов, а скорее являлись объектом критики. Концепция Шеффле исходила из необходимости создания новой национально-экономической теории в противовес все более набирающему обороты в своем распространении и развитии радикальному и агитаторскому социализму. Основной пункт несогласия Шеффле с идеями социализма связан с проблемой собственности. По мысли Шеффле, позиция социалистов о возможности коллективного владения средствами производства при одновременном сохранении индивидуальной собственности – это и есть путь к индивидуализации собственности, что, по сути дела противоречит идеям социализма. Шеффле предлагает иное понимание социализма, где допустимо свободное товарищество собственников или сосредоточение собственности в руках государства, что рано или поздно должно привести общество к коммунизму. Шеффле солидаризируется с лозунгом французских анархистов, провозглашенным Прудоном и разделяемым социалистами, что «собственность – это кража», всегда, с неизбежностью. Поэтому современное общество репрезентирует собой анархический социализм, где любая частная собственность – украденная, т. е. полученная за счет постоянного урезания заработной платы пролетария, а значит, за счет эксплуатации. Пересматривая концепцию общественного разделения труда, предложенную Марксом, Шеффле формирует свой взгляд на природу развития капитализма. По мнению Шеффле, общественное разделение труда является следствием общинного характера деятельности всего человечества, поэтому социальный характер человеческой хозяйственной деятельности и ведет к развитию капитала. Капиталистическое предприятие, по определению Шеффле, это единый социальный организм индивидуализированных единичных трудовых сил (рабочих) и капитала. Следовательно, как накопление капитала, так и накопление собственности в ходе производственного процесса – естественный результат минимизации производственных издержек и максимизации прибыли. Если баланс между издержками и прибылью находится в равновесии, то капиталистическое предприятие – это средство приращения *народного* капитала с той лишь особенностью, что капиталист (предприниматель) как владелец средств производства получает большие отчисления с оборота капитала за распорядительный труд и коммерческий риск, а рабочий более высокую заработную плату. Конкуренция между предпринимателями выступает как объективный регулятор качества товара, потому служит большей эффективности производства: «конкуренція всехъ капиталовъ предпринимателей, оказывающихъ въ обществе взаимное давлєніе другъ на друга, является объективнымъ принудительнымъ регуляторомъ более высокой степени хозяйственности современной капитальной організації производства. Предприниматели принуждаются, такимъ образомъ, въ интересахъ всего общества, къ возможно верному выясненію ценности пользованія и издержекъ производства» [3, с. 141]. Так, по мысли Шеффле, именно конкурентная борьба предпринимателей способствуют оптимизации и улучшению качества производства, что в свою очередь через приращение прибыли предприятия ведет к увеличению заработной платы рабочему. Согласно Шеффле, благодаря высокому уровню заработной платы, несамостоятельные производительные силы (рабочие) общества получают возможность интегрироваться в систему социального производства и коммуникации. Как результат автор предлагает следующее определение понятия «капитализм»: «<...> можно представить себе капитализмъ, как сочетание миллионовъ разнообразныхъ индивидуальныхъ трудовъ и имуществъ въ одинъ національный или международный организмъ производства, под гегемонією “предпріимчивыхъ”, конкурирующихъ изъ-за высшихъ барышей предпринимателя, капиталистовъ» [3, с. 141].

Из представленного определения видно, что в основе капитализма Шеффле усматривает коллективизм как возможность каждого в ходе общественного разделения труда внести свой вклад в народную копилку капитала. Поэтому именно единый коллективный капитал (в противовес множеству конкурирующих частных) может привести к полному поглощению мелкой собственности, что поможет крестьянам и мелкой буржуазии встать на сторону коллективизма. Шеффле выдвигает идею о том, что коллективистский потенциал капитализма может быть лучше раскрыт в условиях государственного регулирования, которое должно сдерживать индивидуалистические тенденции его развития. Тем самым находит обоснование тезис о том, что капиталистический способ производства, в основе своей содержащий коллективизм, и является базовым для пересмотра проблемы частной собственности. Так, хозяйственная гегемония капитализма, по мнению автора, это совершенно свободный процесс обмена. Это означает, что каждый наемный работник уступает по свободному договору найма личных услуг продукты своего труда за заработную плату. Так же свободны все договоры займа, найма, аренды, купли-продажи, цены товаров. По мнению Шеффле, с точки зрения права каждый индивид является совершенно свободным деятелем в системе капитализма. Автор отмечает, что личная свобода и свобода обмена становятся неразлучны с развитием капитализма. Шеффле выдвигает важный тезис о том, что эпоха капитализма есть с необходимостью эпоха либерализма: «капитализм и либерализм родственны между собой и логически, и по указанию опыта» [3, с. 148]. В силу этого антикапитализм (или социализм) мыслится Шеффле как выступление против индивидуальной человеческой свободы. Так становится очевидным, что наряду с категорией коллективизма «капитализм» получает определение и трактовку в терминах свободы. Шеффле обосновывает теорию государственно регулируемого либерального капитализма.

Шеффле «очищает» понятие капитализм от его «политического», «агитационного» и негативного смысла. Получается довольно-таки идиллическая и вполне в духе утопистов не двадцатого века «картинка». Это, разумеется, не манифест-лозунг, но анализ, дискурсивная скан-версия существовавшего на тот момент положения дел. То, что Шеффле описал как директивное должное, нормативное и неизбежное по сути есть «буколический пейзаж», не имеющий отношения к тому, что было (и к тому, следует прибавить, что будет). Аргументом выступает «естественно-справедливая природа развития капитализма» (но не реальности), связываемая с индустриальным прогрессом (наделенным статусом приоритетности), где труд каждого – это вложение в общую копилку, степень наполненности которой с неизбежностью ведет к повышению степени социальной умиленности и умиротворенности. Само же понятие «капитализм» определяется посредством позитивно окрашенной вербальной серии, значимыми точками которой являются «свобода», «коллективность», обмен, «договор», «народный капитал». Так Шеффле обосновывает тезис, что, либеральный капитализм – это и есть лучшая форма социализма. И в итоге понятие «капитализм» сближает с понятием «либерализм». К слову сказать, после краха социалистической системы, в конце XX в., как раз такие версии капитализма стали наиболее востребованными при соблазнении и привлечении адептов.

Реконструировав исторический и теоретический контекст теории Шеффле, попробуем более внимательно приглядеться к понятийно-смысловым предустановкам. Они-то в итоге и определяют сами горизонты, или «теоретические априори», в пределах которых развивается мысль автора. Это позволяет в полной мере осознать «условия возможности». Как уже было сказано, Шеффле «очистил» капитализм от политически-идеологической «нервозности», придав ему статус «социологической категории». Однако уже сам статут подобного рода категори-

альных номинаций ввергает их в череду идеологических трансформаций, в пределах которых они только и могут состояться в качестве «теоретического речения». Напомним наиболее востребованные в рассуждениях автора позиции: экономическая теория, средства производства, социализм, свободное товарищество, собственность, пролетарии, *природа капитализма*, социальный характер человеческого хозяйства, заработная плата, конкурентная борьба предпринимателей, оптимизация и улучшение качества производства, коллективизм, общественное разделение труда, государственное регулирование, процесс обмена, *личная свобода и свобода обмена*. При этом вне зависимости от аксиологических трактовок всего комплекса сама его артикуляция в соответствующих терминологических, имеющих недвусмысленную коннотацию разверстках (таких как: естественная природа капитализма, связь его с прогрессом, трудом, коллективностью, и в особенности с обменом и договором) придает самому понятию универсальный характер, возводя его до уровня Закона или Природной Непреложности. Разумеется, по сути дела речь идет о допустимости тотальной подмены, в пределах которой *любая человеческая деятельность* может быть редуцирована («в конечном итоге») экономической деятельностью, а любой труд – предусловием-условием обмена или договора, как и всякая социальная организация (объединение людей по тому или иному принципу, пусть даже локально-окказиональное и темпорально-краткое) – родом (или подродом) коллектива или государства.

Таким образом, можно подвести итог: первый этап формирования понятия «капитализм» охватывает практически весь XIX в. Важным итогом его было определение сопутствующей категории, терминологического кортежа, т. е. тех вербальных клише, посредством и в сопровождении которых «капитализм» может быть позиционирован в принципе. Немаловажно и то, что были также очерчены основные операционно-дискурсивные маршруты, допустимые при циркуляции категории в эйдетических умозрительных пространствах. Ну, и общий результат: был задан дисциплинарный горизонт – экономика, политика, политэкономика, идеология, что, кстати, и позволило в последующем «приписать» капитализм Марксу.

«Дух» капитализма в теориях В. Зомбарта и М. Вебера. Следующий этап в истории становления понятия «капитализм» связан с окончательным вхождением понятия в научный оборот и наделением его содержания позитивным смыслом. В 1902 г. вышла в свет книга Вернера Зомбарта «Современный капитализм» (*Der moderne Kapitalismus*), которая сыграла ключевую роль в «научной истории» капитализма. Остановимся на некоторых ключевых моментах работы.

Свой труд «Современный капитализм» Зомбарт начинает с прямого указания, что целью написания исследования является создание целостной и общей теории капитализма. Заявление радикальное и масштабное! Метод же состоит в том, чтобы сформулировать различные теории для различных исторически ограниченных периодов хозяйствования. Основной тезис Зомбарта заключается в следующем: ступени развития хозяйственной жизни необходимо выделять в соответствии с критерием размера производительных сил, которыми располагает та или иная эпоха для реализации своих целей. Исходя из этого, Зомбарт в истории человечества выделяет три ступени эволюции хозяйственной активности: индивидуальную, переходную и общественную. При этом проводится принципиальное различие между хозяйством и производством. Хозяйство определяется как деятельность, связанная с совместным получением ценности, а понимание производства связано с совместным трудом и общей организацией в целях длительного выполнения какой-либо работы. Таким образом, докапиталистический способ хозяйственной жизни определяется как ремесло (раннее Средневековье) и ремесленный способ производства (период Средневековья вплоть до середины XIX в). По Зомбарту, ремесло презентует себя посредством такой формы организации труда, где целью является добывание

пропитания и обретение самостоятельности. Лишь начиная со второй половины XIX в., появляется возможность говорить о капитализме и свойственном ему духе. Сам же капитализм Зомбарт определяет следующим образом: «Капитализмомъ мы называем такой способ хозяйства, при которомъ специфической формой хозяйства является предприятие» [4, с. 205], и далее: «капиталистическимъ предприятиемъ я называю такую форму хозяйства, цель которой состоитъ въ томъ, чтобы при помощи известной суммы договорныхъ условій относительно оплачиваемыхъ деньгами действий и ответныхъ действий, реализовать вещественное имущество, т. е. воспроизводить его собственнику с приростомъ (интересомъ, Profit). Имущество, которое используется такимъ образомъ, называется капиталомъ» [4, с. 205]. В противоположность ремеслу цель капиталистического предприятия заключается в использовании материальной силы без учета значения «живой» личности. Тем самым, согласно Зомбарту, в капитализме происходит отделение цели от телесно-индивидуальной личности, и поэтому цель деятельности капиталистического предприятия носит отвлеченный характер и становится безграничной, беспредельной и по сути бесцельной, или самодовлеющей. Это и является отличительным признаком капиталистического предприятия как такового.

Капиталистическое предприятие функционирует в соответствии с абстрактной целью получения прибыли с капитала. В связи с этим первая характеристика развития капитала состоит в победе, поработании и подчинении себе любых реальных целей, в сущности – в их ликвидации (или – выведения их за пределы реальности, а значит, наделением статусом пустой дискурсивной абстракции и использованием в апологетической идеологической риторике). Тем самым происходит переход от ограниченности всякого реального целеполагания в плоскость умозрительной бесконечности (или обреченности до бесконечности циркулировать лишь в плоскости исключительно вербально-нарративных событий). Абстрактные и безграничные цели и отличают собственно капиталистическое предприятие от других форм хозяйствования и делают его совершенным типом производства для получения прибыли. Зомбарт отмечает, что стремление к приобретению и погоня за наживой, которые раньше реализовывались через деятельность отдельного (реального!) человека, получают объективацию в капиталистическом производстве. Вся деятельность капиталистического производства в итоге сводится к тому, что предприниматель сосредотачивает в своих руках прибыль от производства, умножение одних и тех же процессуальных и событийных фигур. Зомбарт же вводит в ткань своего «философского» повествования и понятие «дух капитализма»: «специфически-современное міросозерцаніе, построенное на постулате строгой причинности, есть порожденіе глубочайших недр капиталистического духа» [4, с. 209] и далее: «Под словом “капиталистический дух” следует разуметь все те психические предрасположения, которые, как мы видели, свойственны капиталистическому предпринимателю, как-то: стремление к наживе, счетная способность, экономическій рационализм. Для того чтобы капитализм стал возможным, предварительно нет необходимости ни в каком ином чуде, как въ воплощении именно этого економіческаго раціоналізма въ образе *economical men* классической политической экономіи» [4, с. 215]. Так дух по Зомбарту – это психологические характеристики, свойственные предпринимателю, нашедшие свою объективацию в капитализме как наиболее эффективной форме производства, в которой воплощаются принципы получения прибыли (абстрактная цель), калькуляции (бухгалтерский учет), экономического рационализма.

Концепция капитализма Зомбарта позволяет проследить, какие именно изменения претерпевает содержание понятия «капитализм» при его вхождении в гуманитарно-научный обиход. Безусловно, понимание капитализма Зомбартом обусловлено теорией Маркса, и эта

преемственность прослеживается прежде всего в том, что капитализм определяется через определенный способ производства, который получает развитие в рамках предприятия, где использование рабочей силы выступает в качестве движущего механизма процесса приращения капитала. Однако, как видно, Зомбарт привносит субъективный элемент в понимание капитализма через определенную героизацию фигуры предпринимателя, без которой и объективация капиталистического духа была бы невозможной. Дело в том, что, по мысли Зомбарта, сама по себе капиталистическая организация производства в рамках предприятия оказалась возможной только потому, что определенные хозяйственные субъекты, «одержимые» капиталистическим духом, оказались способны к первоначальному накоплению металлических денег, которые потом и были преобразованы в капитал в рамках капиталистической организации труда. Именно понятие «духа» отличает концепцию Зомбарта от теории Маркса. При этом – и это едва ли не самое важное – сам «дух» («дух капитализма») становится исчисляемым (т. е. сегментированным и составленным из отдельных гомогенных фрагментов, сопрягаемых в последовательные ряды по умозрительным арифметическим нормативам) посредством калькуляции и бухгалтеризации. Капиталистическая рациональность и является основой экономической (хозяйственной) деятельности как таковой. Ведущим же принципом жизнеустройства, вытекающим из экономической (капиталистической) рациональности, становится «учет и контроль» посредством вторичных по отношению к реальности фиксаторов (бумаг, текста, таблиц, графиков, скан-данных и пр.).

Сама процедура введения Зомбартом категории «капитализм» в научно-теоретический оборот, а также легитимация его в этих пределах весьма показательна. По сути дела здесь имеет место приведение в соответствие с регламентами дискурса, которые сами определяются вне его, дискурса, практиками. Типичный пример, когда «научный концепт» априори задается вненаучными операциями. Всем размышлениям предшествует *постановка вопроса*, что, как хорошо известно, предопределяет ответ (имплицитно его содержит и имманентен первичному вопрошательному речению). В нашем случае это создание некоей теории капитализма, подразумевающей в первую очередь, что «капитализм» имеет ресурсы в концептуальном отношении и может быть подвергнут в принципе подобного рода исследовательской экспертизе. Далее, после постановки вопроса, – объект и предмет исследования: хозяйственная деятельность как таковая и один из исторических сегментов этой деятельности. Разумеется, рассмотрение объекта (и, соответственно, специальное созерцание предмета – одного из сегментов) невозможно без обозначения, хотя бы беглого, всей структуры в ее функциональном ракурсе. Это – ступени развития хозяйственной жизни, а также перечисления критериев, по которым происходит маркировка той или иной ступени – производительные силы. Далее идет привязка этапа с определенной культурно-исторической наличностью, тем самым проводится членение исторической длительности на замкнутые в себе более или менее автономные периоды. Примечательно, что в качестве связующих констант используется не «линейная темпоральная преемственность» (формально регистрируемая), но опять-таки умозрительно-дискурсивная конструкция (терминологический аппарат, по сути дела метаобразование). Затем артикулируется телеологический императив – цель и способы ее реализации. При этом она, цель, выводит за пределы реальности. Она по сути дела уже не имманентна самому феномену (телесно-индивидуальным характеристикам того или иного человека, либо группы) и становится трансцендентной, анонимной и абстрактной по своей сути. И самое замечательное, что в итоге капитализм как «система» (научная!) обозначается с помощью хорошо известного в европейской мысли, и в особенности в немецкой философии XIX в., термина «дух». И даже

определение «духа капитализма» как «специфически-современного мирозерцания» ничего по сути не меняет, как ничего в христианском антропологическом концепте человека не изменила терминологическая замена духа на психику: перед нами ненаучная, хотя и дискурсивно корректная, традиционная для европейского опыта трактовка трансцендентности – по «духу» религиозная, по букве христианская. Само использование в качестве итогового и базового обозначения феномена социально-исторической формации содержит отсылку к коннотационно предопределенному традицией термину (дух), и замыкает смысловой горизонт. Любопытно, что «дух» очень пластично сопрягается и с рационализмом, и с позитивностью. Ну, а операционно циркуляцию термина в дискурсе в свою очередь ограничивают такие процедуры, как калькуляция, нарративная дескрипция, присущая рациональности, и типологические процедуры (способ производства).

И дело даже не в том, что, как указывалось ранее, Зомбарт во многом – и по духу, и по букве – повторяет (скорее даже иллюстрирует) Маркса, «творчески» и «конкретно» развивая его, Маркса, «общую мысль» или «общую установку», но в том, что сами марксовы откровения были уже сами заключены в строгое русло «условий возможностей». Последние были соразмерны эпистемологической позиции Зомбарта и в итоге фундированы умо-зрительным «кодом» и, разумеется, новоевропейским концептом реальности. Поэтому-то и удалось марксовый, достаточно невнятный теоретически импульс закрепить за определенной научно-номенклатурной терминологической группой.

В последующем идею Зомбарта о духе капитализма и капиталистической рациональности целенаправленно развивает Макс Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). Так как теория Вебера достаточно популярна и многим знакома, и реконструировать ее основные моменты нет нужды, то мы остановимся только на моментах его концепции, которые непосредственно связаны с толкованием понятий «капитализм» и «дух». Вебер дает следующее определение капитализма: «“Капиталистическим” мы будем здесь называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства» [5, с. 48]. Согласно Веберу, капиталистическая деятельность направлена на планомерное использование материальных средств для получения прибыли таким образом, чтобы исчисленный в балансе конечный доход предприятия, выраженный материальными благами и в денежной номенклатуре эквиваленте, превышал «исходный капитал», т. е. стоимость использованных на предприятии в процессе производства материальных средств. Подобно Зомбарту, Вебер полагает, что в основе функционирования капиталистического предприятия лежат калькуляция и рациональное поведение (капиталистическая рациональность мировоззрения, механизмы и стандарты его, мировоззрения, объективации и закрепления в репродуцируемых исчисляемых поведенческих моделях). Западный капитализм, возникший в Новое время, отличается от всех других капитализмов, по мнению Вебера, (таких как «авантюристический» капитализм, иррационально-спекулятивный и других, которые имели место всегда и везде, в том числе и на Востоке) тем, что основной его характеристикой является именно рациональная организация свободного (формально) труда. Подобный трактуемый как механистический компендиум гомогенных структур сценарий функционирования капиталистического предприятия обусловлен: 1) отделением предприятия от домашнего хозяйства (вторая после рациональной объективации форма отчуждения) и связанной с этим бухгалтерской отчетностью; 2) выделением специального, отличного от других повседневных практик, места производства и продажи товаров. Причем капиталистическое предприятие характеризуется высокой степенью автономии и самозамкнутости.

М. Вебер особенно подчеркивает тот момент, что его концепция касается исключительно западного капитализма, так как нигде больше рациональная организация свободно-

го труда в форме предприятия не смогла породить такой класс, как пролетариат. На службе у западноевропейского развития капитализма стояла самобытная эпистемологическая программа – научное знание (и, соответственно, концепт реальности), анонимное и сугубо операционное, операционно-технологическое применение которой и дало толчок для развития промышленности. Причем, эффективное взаимодействие позитивной науки, манипуляционной технологии и капиталистической рациональности является фиксацией особого типа социального устройства западного общества и выражаемого посредством собственной автономной бухгалтерско-калькуляционной структуры права и управления. При этом, как отмечает Вебер, экономический рационализм находится в прямой зависимости не только от рационализированных по-капиталистически системы права и технологии, но также и от способности-предрасположенности тех или иных людей к определенным видам практического проектирования своей жизни. Вебер не один раз отмечает обусловленность «хозяйственного мышления», выраженного в экономической рациональности, определенной религиозной интенциональной направленностью, а именно рациональной этикой аскетического протестантизма. В качестве подтверждения своих выводов приводятся хорошо известные факты о том, что католики и протестанты выбирают разные сферы деятельности, первые – гуманитарную, традиционную, иногда ремесленную, вторые – предпринимательскую, промышленную, научно-эпирическую – безусловно привилегированную. Подобный вольно-невольный выбор происходит потому, что у различных социальных страт разное религиозное воспитание, и именно оно и тип религиозности определяют выбор профессии.

В отношении же капиталистического духа Вебер предлагает следующее определение: «Дух капитализма – это такой строй мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [5, с. 85]. Подобный строй мышления и совокупный ментальный склад нашел в капиталистическом предприятии наиболее адекватную форму собственного выражения и стал движущей энергетикой капиталистического предприятия как такового. Согласно Веберу, от традиционализма (как главного и независимого от конкретной исторической локации оппонента капитализма) люди движутся не в силу притока новых денег или их складского накопления, а в силу вторжения нового духа, т. е. духа современного капитализма. Именно дух, по словам Вебера, добывает денежные ресурсы, тем самым дух преобразуется в своем Ином – материальном, закрепляется в нем и даже выступает в нем как ее, духа, наивысшая форма («Если ты такой умный – почему тогда бедный?»). Капиталистическое отношение к труду – это отношение к труду как самоцели, как к призванию, как покаянному действию. И в этом смысле он, труд, свободен, бесцелен, самоценен и абсолютен, т. е. – начало и конец любой данности, без коего ничего не было бы (труд создал человека). Дух современного западного капитализма является религиозно окрашенным этическим императивом, который регулирует весь уклад жизни. Яркое выражение духа капитализма, по мнению Вебера, это всем известное поучение Франклина: «время – деньги», «кредит – деньги».

Реконструкция содержания понятия «капитализм» и «дух» в труде Вебера демонстрирует, что речь идет не просто об особом типе производства (или социокультурной ступени) тех или иных благ, который нашел свое воплощение на капиталистическом предприятии, где должным образом реализуется экономическая рациональность, проявляющаяся в необходимости извлечения прибыли и наращивания капитала. Отнюдь. Но, в сущности, о религиозной мета-системе, притязающей на универсальность и вселенскость.

Таким образом получается, что капитализм – это род религиозной доктрины. Или, если точнее, – практическая реализация определенного миропонимания, мировоззрения и миротворения. Примечательно, что в русле именно христианской (протестантской)

идеологии стало возможным не просто предложить еще одну версию, современную, мироустройства, но и придать ей универсальный (вселенский) характер. Если же попытаться артикулировать высказанное Вебером в других дисциплинарно-терминологических маркерах, то получится примерно следующее: реальность, доступная рационально-анонимному систематическому постижению, становится тотальностью, в пределах которой существует некоторый универсальный определитель (деньги), к которому необходимо сводить («в конечном счете») все многообразие форм и фактов бытия. Этот определитель и можно считать если ни онтологическим, то уж во всяком случае дискурсивно-нарративным основанием всех без исключения умозрений, ориентированных на осмысление текущих практик. Также он, определитель по сути своей, – иррационален, абстрактен, бесцелен, самодостаточен и замкнут сам на себе и также безосновен. Предопределяя рамки действий и, что важнее, варианты интерпретаций этих действий, он позволяет совершать процедуры дискурсивных инвестиций без учета качественных (да и количественных) характеристик первичного субстрата, т. е. того субстрата, куда внедряется. В результате происходит захват территорий. В религиозных терминах – обращение неверных. В секулярных – приобщение к прогрессу, рациональности, производству материальных благ, благосостоянию, демократии, наконец, потреблению. Религиозно-социологическая доктрина включает в себя антропологический проект, в рамках которого проводятся процедуры отчуждения от других родов реальности с последующим захватом этих родов и трансформацией «по собственному образцу и подобию». Было бы смелым, но, думается, не лишенным смысла утверждением, что в этом отношении «капитализм» как концепт, включающий и доктрину и практику, – один из современных вариантов хорошо известной формы межкультурного и межэтнического взаимодействия – род колониальной экспансии. И в этом смысле капитализм ничем не отличается, хотя и оппозиционен, от социалистической (или коммунистической) доктрины: обе – современные версии христианских предустановок – протестантской и православной. А активная и нетерпимая «враждебность» – или оппозиционность – как раз позволяет утверждать их первичное, онтологическое и принципиальное, единство. Обе действуют в пределах одного и того же «культурного кода» и им управляются. Соответственно, переход из одного полюса в другой при всем разнообразии реальных «революционных ситуаций» не влечет за собой каких-либо существенных структурных, смысловых или дискурсивно-операционных трансформаций. Столь же верно и то, что перенос этих принципов мироустройства на территории, находящиеся под другой мировоззренческой юрисдикцией, где действует иной культурный код, при всем «победоносном шествии» и «всемирном торжестве» не более чем декоративные, сугубо орнаментальные жесты.

Возвращаясь к «капитализму», к концептуальной истории капитализма, необходимо сказать: именно капиталистическую теорию М. Вебера можно считать тем дискурсивным фундаментом, на котором в последующем основывались если не все, то большинство рассуждений о капитализме как социологической и социально-философской категории. Модальность этих рассуждений не имеет принципиального значения: всякая негация или опровержение-брань, равно как и аксиологическая оценка – не более чем воспроизведение и повторение первичных принципов устроения данного конкретного дискурса.

Таким образом получается, что в трудах Зомбарта и Вебера «капитализм» окончательно утрачивает свои политические негативные коннотации, сохраняя при этом содержание, унаследованное от либеральных экономистов, которое дополняется этическим, религиозным и психологическим толкованием природы человека. «Научная история» капитализма послужила антропологическим императивом и психологической апологией того, почему в

«деле» капитализма может и должен участвовать каждый, тем самым притязая на привилегированную идентификационную метку – homo economicus или homo rationalis. Так капитализм оказывается основой при операционном разделении «антропологического субстрата» (а также тех или иных вариантов социального устройства) на людей *разумных, т. е. включенных в капиталистическую систему, и на неразумных, иначе говоря, исключенных из нее*. Становится очевидным, что именно такая научная легитимация превращает капитализм в идеологический императив, сквозь призму которого воспринимается как ближайшее, так и отдаленное мироокружение, и в соответствии с содержанием которого начинают определять собственное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blanc L. Organisation du travail. 9e éd., 1850, цит. по: Бродель Ф. Игры обмена. М. Прогресс, 1988.
2. Passow R. «Kapitalismus», Jena: Gustav Fisher, 1927.
3. Капитализм и социализм преимущественно в применении к различным видам имущества и коммерческих сделок: чтения о примирении противоречий между заработной платой и капиталом / [Соч.] Д-ра Альберта Эберг. Фридр. Шефле, проф. полит. наук в Венск. ун-те. СПб.: Тип. М. Хана, 1871–1872. Ч. 1. 1871.
4. Зомбарт В. Современный капитализм. М.: Типолит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.

E. I. Naumova; E. G. Sokolov
Saint Petersburg State University

FORMATION OF THE CONCEPT OF "CAPITALISM»

The article presents a historical and philosophical reconstruction of the development of the concept of "capitalism" in the 19th – early 20th centuries. The text describes the main stages of conceptualization of the notion starting from when it was first mentioned in the political literature of France and Germany and finishing with its introduction in everyday practice as a sustainable term. An emphasis is made on identifying the content aspects of the term in the context of ideological and theoretical preferences of the era. It is also important that in its discursive and semantic characteristics the notion and the concept of "capitalism" follows the Christian cultural paradigm.

Philosophy of capitalism, conceptual history of term «capitalism», capitalist rationality, protestant irrationality, liberalism, socialism
